Максим Горький

Фальшивая монета

Максим Алексеевич Горький
Фальшивая монета

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22195049
Фальшивая монета:

Аннотация

«…Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельём, в окне сломана рама, стёкла выбиты, на подоконнике – горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Яковлев, человек лет 60-ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате – Полина разбирает платье, бельё; ей лет под 30, одета в тёмное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется – строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза – видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызёт сухари. По лестнице с антресолей сходит Клавдия…»

Содержание

Сцена первая 6
Сцена вторая 36
Сцена третья 61

Максим Горький
Фальшивая монета

Сцены

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Яковлев – часовых дел мастер, одноглазый.

Полина – жена его.

Наташа – дочь от первой жены.

Клавдия – племянница.

Дуня – соседка, подруга Клавдии.

Бобова – торговка старыми вещами.

Ефимов – муж Клавдии, агент по распространению швейных машин.

Кемской – судебный следователь.

Глинкин – его письмоводитель.

Стогов.

Лузгин.

Иванов – полицейский.

Большая комната – приёмная барского дома: её увеличили за счёт другой комнаты, выломав стену. В левом углу, где был вход с улицы, устроено небольшое помещение для магазина часов. Правее – лестница в два марша, – она ве-

дёт в антресоли, где живут Кемской и Наташа. Под лестницей – дверь в помещение Яковлевых, направо, в углу – дверь к Ефимовым, ближе к рампе – дверь в кухню. В левой, скошенной вглубь стене – окно во двор. Рядом с окном – старый буфет. У правой стены – диван, но на него садятся осторожно. Всё – старое, ветхое. Эта комната служит гостиной, столовой.

Сцена первая

Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельём, в окне сломана рама, стёкла выбиты, на подоконнике – горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Яковлев, человек лет 60-ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате – Полина разбирает платье, бельё; ей лет под 30, одета в тёмное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется – строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза – видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызёт сухари. По лестнице с антресолей сходит Клавдия.

Клавдия. Наташа, ты бы помогла!

Наташа. Подожди, сейчас. И когда они успели написать столько!

Клавдия. О пожаре?

Наташа. Да. Удивляюсь.

Клавдия. После удивишься. Лучше помоги-ка. *(Полине.)* Это – куда?

Полина. Это – к Наташе, пожалуйста.

Наташа *(через газету)*. Ну, чего вы торопитесь? Всю ночь не спали, устали…

Клавдия *(уходя вверх)*. Ты что же, за всех собралась отдохнуть?

Наташа *(осматривая комнату)*. «Как хорошо, что это бывает не каждый день, – подумала курица, когда повар начал резать ей горло».

Яковлев *(из двери магазина)*. Полина, ты не видала, где часы из витрины, мраморные?

Полина. У вас в руках видела.

Наташа *(читает)*. «Всё яростнее разливалась огненная река, превращая труды рук людских в прах». Люблю, когда еров много…

Яковлев *(входя)*. Красноречие несчастию не подобает, тут нужно бы рыдая говорить, а они, пустобрёхи… Полина, а где ящик с гвоздями?

Полина. Не знаю.

Яковлев. Мало ты знаешь…

Наташа. Ну, где теперь найти этот ящик!

Яковлев *(вынул часы, смотрит)*. Тут сейчас человек должен придти… *(Замялся, сморщил лицо.)*

Наташа. Человек? Возможно ли это, отец? К нам придёт человек?

Яковлев. А, ну тебя! Всё шуточки… *(Идёт в магазин.)* Смотри – актрисой будешь…

Наташа. «Аббат исчез, оставив маркизу в недоумении».

(Взяв кусок хлеба, блюдце и ложку, развязывает банку с вареньем, ест. Полина, стоя на коленях, смотрит пред собою, шевеля губами.)

Клавдия *(с верха)*. Наташа, ты опять насыплешь крошек в банку, а отец…

Наташа. Проберёт мачеху. Так и надо. Многоуважаемая мать моя – вы соизволите рассердиться когда-нибудь?

Полина *(очнувшись)*. Мне пора обед готовить.

Наташа. Обед – это тривиально. Обеда не будет, а будет чай с различными вкусными добавлениями, об этом позабочусь я.

Полина. А если отец…

Наташа. «Здесь приказываю только я, – величественно произнесла маркиза».

Полина *(уходя с охапкой одежды)*. Ну, как хочешь.

Клавдия. Она как будто всё больше дичеет, а ты с ней…

Наташа. Ах, оставь! Ещё и ты будешь меня моралью набивать!

Клавдия. Чего ты взвилась?

Наташа. Надоело! Ходит какая-то бутылка постного масла… от неё – тоска. Чертей не удивишь кротостью. Молодая женщина, недурна, а не умеет себя поставить…

Клавдия. Как это – поставить?

Наташа. Так. Тоже и ты, труженица, вышла замуж за привидение какое-то…

Клавдия *(усмехаясь)*. Если мне нравится…

Наташа. Ну, миленькая, вижу я, кто тебе нравится!

(Полина входит торопливо, потерявшаяся, широко раскрыв глаза, за нею, в дверях, Стогов, мужчина лет за сорок, острижен ёжиком, виски седые, бритый, без усов, одет солидно. Говорит, держится спокойно, уверенно, с оттенком пренебрежения.)

Клавдия. Что вы, Поля?

Полина *(бормочет)*. Вот, – Наташа… я не знаю…

Наташа *(прищурясь)*. Что такое?

Полина. Вот этот господин… я сейчас спрошу… *(Идёт в магазин, спотыкаясь, как слепая.)*

Стогов *(вежливо)*. С кем я могу говорить относительно найма квартиры?

Наташа. Какой квартиры? Мы – не сдаём…

Стогов. Мне сказали, что у часовщика Яковлева сдаётся флигель.

Наташа. Не слыхала, хотя прихожусь часовщику дочерью…

Стогов *(кланяясь)*. Очень приятно узнать. Однако…

Наташа. Вы – погорелец?

Стогов. Нельзя ли видеть самого господина Яковлева?

Наташа. Можно. Он – существо видимое. Вы – приезжий?

(Полина стоит у двери в магазин, наклоня голову, как бы не смея войти туда.)

Клавдия. Пройдите в магазин – он там…

Стогов. Благодарю вас.

(Полина, уступив ему дорогу, отошла в сторону, встала, опираясь плечом о стену.)

Наташа. Вежлив. Похож на американского героя.

Клавдия. Как ты можешь так говорить с незнакомым?

Наташа. Ты, мачеха, чего испугалась, а?

Полина *(согнувшись над узлом)*. Я? Почему? Голова кружится…

Наташа. Нет, всё-таки?

Полина *(словно припоминая)*. Я развешиваю во дворе платье – вдруг он идёт… Я не испугалась…

Наташа. Ох, мачеха, ты скоро сама себя бояться станешь… Ну, ладно: «Оставим это для потомства, – сказала графиня, выбросив за окно изношенную туфлю». Впрочем – такой графини не было. Мачеха, иди, ставь самовар!

Клавдия *(задумчиво, глядя на Полину)*. Не рано ли?

Наташа. Не смущай меня возражениями! Я буду мыть посуду и вообще – трудиться.

Яковлев *(из магазина)*. Наташа, не видала ключ от флигеля?

Наташа. Нет.

(Стогов в двери магазина. Клавдия и Наташа не видят его.)

Клавдия *(мечтательно)*. Знаешь, Ната, я всё думаю о фальшивомонетчиках…

Наташа. Да? И что же?

Клавдия. Вот бы познакомиться с человеком, который делает золотые….

Наташа. Прекрасная мечта!

Клавдия. Или хоть с таким, который сбывает их…

Наташа. Превосходная идея!..

Клавдия *(вздохнув, с досадой)*. Ты всё насмехаешься. Удивительно, до чего ты несерьёзна! И как это можно: всегда, надо всем шутить?

Наташа *(серьёзно)*. А видите ли: один грешник, просидев в аду тысячу девятьсот тринадцать лет, сказал соседу: «Здесь вовсе не так жарко, как мне говорили».

Клавдия. Терпеть не могу твои шуточки…

(Из магазина выходят Яковлев и Стогов.)

Яковлев. Полина – ключ от флигеля! Где Полина?

(Полина из кухни быстро бежит по лестнице в антресоли. Наташа бесцеремонно разглядывает Стогова. Он тоже спокойно разглядывает всех. Клавдия всё время входит и уходит, унося вещи.)

Яковлев. Очень интересно объяснили вы намерения ваши. И верное, должно быть, дело – теперь многие изобретают…

Стогов. Мы весьма отстали в технике против иностранцев.

Яковлев. Зато в доброте души – мы впереди всех народов.

Стогов *(усмехаясь едва заметно)*. Говорят, что так…

Дуня *(вбегает, – это девица лет 25-ти, жеманится, приглядываясь к Стогову, картавит)*. П'едставьте, всё ещё летят иск'ы. Я вынесла на те'асу батистовое платье, и вд'уг оно заго'елось, – вот какая ды'а. Я п'ибежала сказать вам…

Яковлев *(внушительно)*. Искры летят оттого, что люди роются на пожарище.

Дуня *(удивилась)*. Да?

Яковлев. А вы думали – отчего?

Дуня. П'едставьте, я вовсе не думала об этом!

Наташа *(уронила на пол блюдце)*. Ах, несчастная!

Яковлев. Хозяйка, эх…

Полина *(с верха)*. Нет ключа.

Яковлев. Как же это?..

Клавдия. Идёмте, я отопру без ключа!

Яковлев *(Стогову)*. Пожалуйте. Хаос у нас. *(Ведёт его к двери в кухню. Навстречу – Ефимов, в руках его по тяжёлой связке книг, он держит их, как вёдра с водою.)*

Дуня. Ах, какой ужас был ночью, какое раззорение!

Наташа. Забыла, Дуня, нужно сказать – 'аззоение…

Дуня. Ах, оставь! Что тебе? Ты любишь осмеивать всех, а мне нравится картавить.

Ефимов *(опустил книги на пол, отирает пот с лица)*. Для Натальи Ивановны стеснять людей – первое удовольствие.

Наташа. «Философия составляла любимый предмет Агафьи».

Дуня. Это что ещё за Агафья?

Наташа. Старушка одна у Льва Толстого, в «Анне Карениной».

Ефимов. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства.

Наташа. Агафьюшка, это не Толстой, а Левин.

Ефимов. Всё равно. У серьёзного писателя и герои не говорят глупостей.

Дуня. Наташа, – кто этот господин?

Наташа *(отломила ручку чашки)*. Ещё одно несчастие!

Полина *(как во сне, спускается с лестницы, испуганно остановилась)*. Какое несчастие?

Наташа *(показывая ей чашку)*. Как трудно трудиться, Поля!

Ефимов *(толкая ногой связку книг)*. Вот, – за швейную машину энциклопедическим словарём заплатили. И то – слава богу, – могли ничего не заплатить, а машина-то уже в ссудной кассе заложена. Да… В других странах невозможно подобное… извращение фактов, а у нас… *(Огорчённо махнул рукою, взял книги, идёт к себе.)*

Наташа. Ты этого бритого не встречала раньше?

Полина *(беспокойно)*. Где же? Куда я хожу? Только в церковь…

Дуня *(идёт за Ефимовым)*. Интересного мужчину и в церкви заметишь.

Полина *(ходит по комнате, дотрагиваясь до разных ве-*

щей). Ничего я не замечала. Всё это напрасно…

Наташа. Что ты ворчишь?

Бобова *(входит с узлом в руке. Женщина за сорок, говорит певуче, крепкая, бойкая)*. Здравствуйте, дорогие, на долгие года! Страхи-то, ужасти, пожарище-то каков! Я, подобно мыше летучей, всюю ноченьку металась, не знай как! Третий разок посещает господь городок наш огненной бедой, и раз от разу всё погибельней. Растут, видно, грехи-то наши, возрастают… Не помочь ли вам в уборке-то, устали, поди-ко?

(Полина, разбирая вещи, часто поглядывает в окно на двор, прислушивается.)

Наташа. Вот именно – помоги! Умираю от усталости…

Бобова. Женишка твоего видела сейчас.

Наташа *(равнодушно)*. Где?

Бобова. Сюда идёт с Кемским.

(Наташа, составив на поднос чайную посуду, несёт её в кухню.)

Бобова *(Полине)*. Нет, как ведь господь милостиво оградил вас, – всего на два дома до вашего иссяк огонь…

Полина *(глухо)*. Сгореть бы и этому…

Бобова. Ну, зачем же? Нас не стены держат, а глупость да робость наша. Однако неудобный домок, неудобный! Что это Наташа не уговорит крёстного отца совсем подарить ей рухлядь эту? А то – живёте вы под барским капризом: сегодня – любезны, а завтра – пошли прочь! А Наташе-то продать бы дом этот, а я бы покупателя нашла.

(Глинкин входит из магазина. Красивый молодой человек 22–25 лет. Лицо нахальное. Немного выпивши или с похмелья. В кожаной куртке, охотничьих сапогах, в картузе с дворянской кокардой. В руках – портфель.)

Бобова. Дворянину – почтение! Что это, какой кожаный сегодня?

Глинкин. Не твоё дело. Где Яковлев?

Бобова. Уж очень ты строго спрашиваешь!

Глинкин *(Полине)*. Вы что же не здороваетесь со мной?

Полина. А вы со мной?

Глинкин. Пардон. Я спросил: где Яковлев?

Бобова. А ты кого спросил?

Глинкин. Не всё равно – кого?

Бобова *(Полине)*. Это куда?

Полина. Дайте мне, это наверх. *(Идёт.)*

Глинкин *(ворчит ей вслед)*. Копчёная селёдка. Как живёшь, Бобиха?

Бобова. А как привыкла: хихоньки да хахоньки, доходишки – махоньки, живу – не тужу, всем служу, а тебе – погожу. Когда должишки-то отдашь мне?

Глинкин *(ходит вокруг стола)*. Успеешь. *(Суёт пальцы в карман жилета, предполагая найти там часы. Часов нет. Он косится на карман, на пальцы, щёлкает ими. Напевает из Фауста.)* «На земле весь род людской…»

Бобова *(улыбаясь, следя за ним)*. Забыл, что часики-то у меня в закладе.

Глинкин. Я гадостей не люблю помнить.

Бобова. Свадьба-то у вас – когда?

Глинкин. Это не твоё дело. Семья – священный оазис в пустыне жизни, и никто не смеет вторгаться в недра брака. Да. Для вас, вот таких, брак – любительский спектакль, а для меня это парадное представление на сцене императорского театра. Поняла? Нет, конечно. *(Осматривает стены, насвистывая.)*

Наташа *(вышла, приседает)*. Виконт!

Глинкин. Здравствуйте. А где ваш отец?

Наташа. Пошёл сдавать какому-то господину квартиру во флигеле. Ну-с?

Глинкин. Странно. Разве во флигеле можно жить? Куда это вы?

Наташа. За провизией к обеду.

Глинкин. Полезное путешествие. Водки купить не забудьте.

Наташа. Виконт – я знаю ваши вкусы…

Стогов *(входит)*. Человек должен иметь хозяина…

Яковлев *(идя за ним, весело)*. И надо всеми – господь! Приятно слышать такие речи в наше время всяческого буйства. Очень приятно… Теперь позвольте вас познакомить с моими: дочь – Наталья.

Стогов *(кланяется, не подавая руки)*. Пётр Васильевич Стогов.

(Наташа комически важно приседает.)

Глинкин *(тоже важно)*. Тихон Степанов Глинкин, юрист.

Наташа. Из пятого класса реального училища.

Глинкин *(окинув её сердитым взглядом)*. Личный секретарь судебного следователя Кемского.

(Стогов серьёзно кланяется, но в глазах усмешка.)

Наташа. То есть – писарь.

Яковлев. А эта – торгует старинными вещами.

Бобова. Продаю, покупаю, распрекрасную невесту сосватать могу.

Стогов. Выгодно старинными вещами торговать?

Глинкин. Ерунда! Обман! Она сама выдумывает эти вещи…

Бобова. Вещь, сударь мой, нельзя выдумать, её надо сделать. И без обману нельзя. Все любят обмануты быть, лишь бы хорошо обманули.

Яковлев. А вот – жена…

(Полина прячет руки за спину, отступив.)

Стогов *(кланяется ей)*. Так вы позвольте мне смерить там, – нет ли у вас рулетки или аршина?

Яковлев. Полина…

Полина *(села на стул)*. Нет.

Яковлев. Как – нет?

Наташа. Аршин у меня в комнате. *(Полина не двигается.)*

Яковлев. Ты слышишь?

Наташа *(идёт)*. Я принесу.

Яковлев *(жене)*. Ты – что?

Полина *(тихо)*. Устала…

Яковлев. Ну… все устали!..

Наташа *(подавая аршин)*. Извольте.

Стогов *(кланяясь)*. Благодарю.

Яковлев. Может – помочь вам, а?

Стогов. Нет, не беспокойтесь, я сам… *(Ушёл.)*

Яковлев. Ну, – похоже, что хороший постоялец, видимо – со средствами. Вот я забочусь обо всех, как лучше, покойнее, а вы…

Наташа. «Аббат, мы это слышали». *(Идёт в магазин.)*

Яковлев *(жене)*. А ты чего сидишь вороной? Убирай дом скорее.

(Полина встаёт.)

Глинкин *(иронически)*. Ха-арошенькое обращение с женщиной!

Яковлев. Вы, Тихон… эх, грешить не люблю! *(Уходит в магазин, сердито ворча.)*

Глинкин *(осматривая стены)*. Ни одного зеркала – нельзя даже понять, существуешь ты или нет? *(Идёт наверх.)*

Бобова *(когда Глинкин скрылся)*. Экой бездельник, экой прохвост, а? А ты, Палагея Петровна, нехороша сегодня, – что это ты?

Полина *(идёт в кухню)*. Где же Клавдия?..

Бобова. А она за нафталином побежала. *(Подходит к ок-*

ну, делает знаки, оглядывается.) Тсс… тсс…

Стогов *(в окне)*. Ну, что?

Бобова. Ладно ли дело-то?

Стогов. Квартиру снял. Что это за дурак, зять этот?

Бобова *(складывая пальцы в кулак)*. Так, щеночек, он у меня в горсти.

Стогов. Никого нет?

Бобова. Позвать её, что ли?

Стогов *(скрываясь)*. Да, скорее.

(Бобова идёт в кухню, по дороге заглянув в магазин; Стогов является из двери со двора, почти в ту же минуту из кухни вышла Полина, смотрит на него со страхом, он усмехается.)

Полина *(тихо, испуганно)*. Зачем вы пришли? Зачем?

Стогов *(говорит тихо, с лёгкой усмешкой, трудно понять – серьёзно или шутя)*. Я вчера, на улице, и тогда, в церкви, сказал, что не отстану, найду, – вот и нашёл.

Полина. Прошу вас – уйдите!

Стогов *(усмехаясь)*. Не надо притворяться, Поля!

Полина. Что вам нужно от меня? Кто вы для меня?

Стогов *(всё так же, с усмешкой)*. Судьба, хозяин твой, влюблённый человек…

Полина. Я вас не знаю, я не хочу…

Стогов. Я – твоя судьба, ты – моя. *(Подходит ближе к ней, говорит негромко.)* Оказалось, что у меня есть что-то похожее на совесть, Поля.

Полина. Нет!

Стогов. Есть что-то… Может быть, это – от бессонницы, может быть – от скуки. Одним словом – ты мне нужна, и я пришёл за тобой…

Полина. Нет! Не смеешь… не можешь ты! Ты! Из-за тебя я сидела в тюрьме, меня судили, позорили… из-за тебя!

Стогов. Но ведь тебя оправдали.

Полина. Молчи!

Стогов. О том, что всем известно? Зачем же? Я знаю, что ребёнок родился мёртвым, проклятая бабка сказала мне. Но, – она не вовремя умерла, а я, как тебе известно… впрочем, я не оправдываюсь.

Полина. Зачем ты пришёл? Зачем?

Стогов. Я сказал – за тобой.

Полина. У меня – муж. Он пожалел меня тогда ли – на суде…

Стогов. Иной раз пожалеть выгодно.

Полина. Третий год я живу…

Стогов. Живёшь? Разве?

Полина. Не смей!

Стогов. Ну, перестань!

Полина. Христом богом прошу – уйди!.. Не могу Я. – ничего не могу…

Стогов *(хмурясь, спокойно)*. Чему быть, того не миновать…

Полина *(прислонясь к двери)*. Кто ты такой?

Стогов *(серьёзно)*. Полина, я смотрел, как ты молилась в церкви, не один раз смотрел. В твои годы так молятся, когда хотят согрешить, но – боятся. Я, знаешь, даже испугался за тебя. Пойми – это верно! Испугался!

Полина. Врёшь! Ты врёшь… Ну, если ты добрый человек – уйди же! Я прошу.

Стогов *(усмехаясь)*. Грешница ты – в мыслях, и – я ведь знаю – очень любишь грех, очень ждёшь его.

Полина. Нет. Неправда! Не хочу!

Стогов. Брось – меня не обманешь. *(Почти с восхищением.)* Ты очень сильная женщина, Поля, ты – настоящая. Как ты согнула себя, ты, такая гордая, а? Я не узнаю тебя… Удивительно это! Но то, что ты считаешь грехом – не грех, а – обязанность, это – твой долг. Пойми! Раньше ты ведь знала, что это твой долг и радость твоя, – знала! Это в тебе не могли убить, не притворяйся. *(Громко и деловито.)* Так вот, хозяйка: сейчас же я пришлю плотника. *(Шепчет ей.)* Отвечай мне, ну!

Полина. Хорошо. Да. Прощайте.

(Из двери магазина идёт Кемской, человек лет 60-ти, весь неприбранный, одичавший, с неподвижной гримасой на лице. Одет в парусиновый балахон-пыльник, на голове – выцветшая судейская фуражка, в руках – пара уток.)

Кемской. Кто такое, а?

Стогов. Постоялец. Снял флигель.

Кемской. А… Семейный?

Стогов. Одинок.

Кемской. Почему?

Стогов. Холостому удобней.

Кемской. Гм… Может быть. Полина – Тихон здесь?

Полина *(очнувшись)*. Да.

Кемской. Бросил меня, ушёл. Я говорю: возьми Наташе уток, а он – ушёл! Вот утки, Наташе. Да. *(Сел к столу. К Стогову.)* Вы – квартиру сняли? Гм… Чем занимаетесь?

Стогов *(не спеша, двигаясь к двери магазина)*. Изобретаю новый сплав.

Кемской. Сплав леса?

Стогов. Металлов.

Кемской. Не понимаю!

Стогов. До свидания. *(Ушёл.)*

Кемской. Полина, – как это он тут?

Полина *(тихо)*. Не знаю, не знаю…

Кемской *(сердится)*. Что это ходят тут всё, эти, разные… Тут – Наташа, и вдруг… Какой-то слесарь… Наташа испугалась пожара?

Полина. Не дитя она.

Кемской. Приготовь ей уток, зажарь… Помоги мне снять это.

Бобова *(идёт из кухни)*. Я помогу, ты уж иди, стряпай, Палагея Петровна.

Кемской. Ага, лиса, ты здесь, а?

Бобова. Несчастье всех в одну кучу кладёт, миротворец

ты наш.

Кемской. Погорела, а?

Бобова. Нет, господь миловал.

Кемской. Какое же у тебя несчастье? Не понимаю. Ты сама – несчастье. *(Доволен словом, смеётся.)* Вот именно, – ты сама – несчастье, а?

Бобова. Ну, что это вы говорите, добрячок такой! Я ко всем с добром, а вы меня – колом. А обещаньице-то своё не исполнили?

Кемской. Какое?

Бобова. Подсвечники-то обещали продать мне.

Кемской *(отмахиваясь)*. Пошла, пошла! Подсвечники! Это – канделябры, да. Это – редкость…

Бобова. И часики каминные обещали…

Кемской *(строго)*. Иди прочь!

(Бобова отошла в угол, тихо роется там, разбирая вещи. Её почти не видно.)

Яковлев *(входит)*. Здравствуйте…

Кемской. Здравствуй, да… Вот что, брат-кум, тут-а… эти у тебя, постояльцы всё какие-то! Это, брат, мне не нравится…

Яковлев *(разводя руками)*. Как же быть? Ведь и мне без людей лучше, да бедность понуждает…

Кемской. Подожди. Я дал дом Наташе, а ты устраиваешь тут постоялый двор какой-то. Нахлебники, постояльцы – это я плохо понимаю. Всё-таки это – мой дом! Да. Я прихожу, –

вдруг – какой-то человек… Потом – этот Ефимов… Надо, брат, быть деликатным.

Яковлев *(волнуясь)*. Однако же войдите в положение! Улица – глухая, не торговая, магазин работает плохо. На старом месте, на юру, – было лучше, а здесь – я потерял, – кто сюда пойдёт?

Кемской. Ну, это – я не знаю. Я сделал, что мог: пристроил тебе лавочку, испортил фасад дома, и так далее… Но – постоялый двор я осуждаю. Ефимов и все это – мне не нравится. Я, брат, старик…

Яковлев *(глухо, нервно шевеля пальцами)*. Я тоже не молоденький.

Кемской. Ну, да! Я пойду к себе, скажи, чтобы мне дали мыться.

Яковлев *(глядя в дверь магазина)*. Иванов идёт.

Кемской *(с лестницы)*. К письмоводителю.

Яковлев *(грозит вслед ему кулаком, Бобовой)*. Слышала, а? Каково?

Бобова. Что уж тут! Эхе-хе…

Яковлев *(идя в кухню)*. Да, вот и живи… Иди, неси ему воду-то…

Бобова. Ладно, сейчас.

Иванов *(околодочный, весёлый, бойкий франт)*. Эй, Бобиха, погоди!

Бобова *(у двери кухни, подмигивая на лестницу)*. Шш…

Иванов. А что?

Бобова. Кемской.

Иванов. Ты что тут делаешь?

Бобова. Помогаю в уборке.

Иванов. Куда это нахлебник твой выехал?

Бобов а. А – дай бог память…

Иванов. В Сморгонь?

Бобова. Что ты, милый, такого места и нет на земле!

Иванов. Ну, я лучше тебя знаю, что есть и чего нет! А скоро я тебя поймаю, милая дама!

Бобова. Ах, гонитель ты мой, Нерон жестокой, – и за что ты меня поймаешь?

Иванов. А – за шиворот. Не держи воров, не скупай краденого.

Бобова. Да я всё покупаю, слона приведут, так я и слона.

Иванов. Ладно. Точи зубы-то. Слушай, – на-ко вот, пересунь. *(Подаёт ей записку.)* Понимаешь, кому?

Бобова. Ну, Клавдии…

Иванов. Шш! Не Клавдии, а Дуне.

Бобова. Уж и в эту сторону метнуло?..

Иванов. Если ты мне это дело наладишь…

Кемской *(с верха)*. Что же воды?

Бобова *(бежит)*. Сейчас, родимый.

Иванов. Найди мне письмоводителя. *(Подошёл к окну, вынул из кармана письмо, улыбаясь, читает. Из двери на него смотрит Ефимов. Из комнаты Наташи вышел Глинкин, увидав околодочного – сморщился, хочет уйти обратно.*

Иванов, обернувшись, прячет письмо.) Примите два пакета.

Глинкин *(подошёл, взял пакеты, взвесил на руке)*. Это что?

Иванов. Не знаю. Моё дело – сдать, ваше – принять да расписаться.

Глинкин. Прошу не указывать мне моих обязанностей.

Иванов. Ах, извините!

Глинкин. Да-с. *(Расписываясь в книге.)* Можете идти.

Иванов. Благодарю за разрешение.

Глинкин. Что-с?

Иванов. Скоро и вам лично повесточку вручу.

Глинкин. Опять? За что?

Иванов. Буйство в общественном месте.

Глинкин. Это – не буйство, а протест против засилия инородцев!

Иванов *(даже удивился)*. Это – Кознов, Иван Лукич, – инородец?

Глинкин. Я лучше вас знаю, кто – кто!

Иванов. Проницательный вы человек!

Ефимов *(входит. Рука подвязана)*. Н-ну, я думал, обед готов, а тут ещё – Содом и Гоморра…

Иванов. Что это?

Ефимов. Порезал.

Иванов *(Ефимову)*. Вечером – в «Порт-Артуре»?

Ефимов *(показывая руку)*. Какой же я игрок?

Иванов. До свидания, благороднейший господин Глин-

кин. *(Ефимову.)* Ну, до вечера, скучный господин.

Ефимов *(вздыхая)*. Трудно быть весёлым, имея фамилию – Ефимов.

Иванов. А я вот Иванов, однако – не скучаю. Нисколько даже.

(Глинкин пожимает плечами.)

Наташа *(с покупками, в дверях магазина)*. Здравствуйте, Пинкертон!

Иванов *(щёлкая каблуками)*. Позвольте помочь?

Наташа. Не трудитесь. У нас домашних кавалеров в избытке заквашено. Вы с чем?

Иванов. С бумагами. А сейчас – к соседу вашему. До свидания!

Глинкин. Удивляюсь, как вы можете фамильярничать с этим…

Наташа. Ах, в моих жилах течёт рыжая, плебейская кровь. Крёстный здесь? *(Идёт наверх.)* Скажите Поле, что можно накрывать стол.

Глинкин. Ефимов, ступайте, скажите.

Ефимов *(обиженно)*. Вы, сударь мой, тише командуйте! Я человек неожиданный, никто не знает, на что я способен.

Глинкин. Я не командую… Скучно, чёрт возьми! Вот и пожар был, а скучно…

Ефимов *(миролюбиво и уныло)*. Вам жаловаться не на что. У вас всё-таки фамилия оригинальная: Глинкин. Глинку напоминает, оперу «Жизнь за царя». А вот, если Ефимов,

так уж это безнадёжно…

Глинкин *(с достоинством)*. Глинкин – это руссофизм, – понимаете? Моя фамилия – де Глинкэн, мой дед был француз, дворянин. А Глинкин – это переделка на русский лад, руссофизм… то есть руссизм…

Ефимов *(вздохнув)*. Хотя бы и так – всё-таки хорошо. Но – уж если Ефимов, так что же? Вы можете представить себе – монумент Ефимову? Если поставить такой монумент на площади – так по ней никто ходить не будет…

Глинкин. Возможно – не будут! Фигура у вас…

Ефимов. Тут не в фигуре суть. Многие люди не обладали фигурой, а монументы им всё-таки поставлены.

Глинкин. Впрочем, я не совсем понимаю вашу идею…

Ефимов *(задумчиво)*. Идея – простая. Все великие люди носили соответственные фамилии: Аристотель, Эмиль Золя, Степан Разин. А если сказать: великий человек – Ефимов – никто этому не поверит…

Бобова *(идёт из кухни)*. Наташа пришла?

Глинкин *(кивая на пакеты)*. Видишь…

Ефимов. Бобиха, – жену мою не видала?

Бобова *(ставит стулья к столу)*. А вон, поглядите, на дворе-то… То есть до чего благочестивец наш, боголиз, кривой, Палагею заел – даже глядеть обидно!

Ефимов *(у окна)*. С кем это она там?

Бобова. Только и твердит: я тебя с земли поднял, я тебя из грязи вынул!

Глинкин. Это мне не интересно…

Бобова. Эка важность – поднял! Эдакую-то бабочку, да не поднять! Всяк бы поднял, да снова положил, дело – дешёвое, а удовольствие большое, – да!

(Ефимов быстро идёт в кухню.)

Глинкин *(Бобовой, тихо)*. Ревнив, чёрт!

Бобова. Без ревности любовь – как без соли хлеб.

Глинкин *(идя за Ефимовым)*. Бобиха, скажи, чтоб скорее собирали обедать!

Бобова *(про себя)*. Поспеешь, дроздова голова!

Полина *(с тарелками)*. Господи, как тут всё нехорошо…

Бобова. Кому прибрать? У вас все – баре.

Полина *(развёртывая пакеты)*. Ты в судьбу веришь?

Бобова. А как же?

Полина. И в бога веришь?

Бобова. И в бога. Что это ты, матушка, спрашиваешь как?

Полина. А кто сильнее: судьба или бог?

Бобова. Ну, уж этого я не знаю… Уж чего не знаю – так не знаю… Этого, поди-ка, и боголюбивый муженёк твой не знает, одноглазый чёрт! Ох, Поля, Поля, тяжела твоя доля…

Полина. Значит – заслужила такую.

Бобова. А ты – полно! Согрешив на грош, на рубль каешься… Ой, ой, утки-то, утки… *(Бежит в кухню, в двери сталкивается с Яковлевым.)*

Яковлев. Что ты, – слепая?

Бобова. Ох, прости…

Яковлев. Демоны… *(Идёт в магазин.)*

Полина. Подожди минуту.

Яковлев. Чего такое?

Полина. Напрасно ты сдал флигель.

Яковлев *(приостановясь)*. Это – твоё дело?

Полина *(твёрдо)*. Моё!

Яковлев *(удивлён)*. Чего?

Полина. Это человек нехороший.

Яковлев. А тебе какое дело, а?

Полина *(волнуясь)*. Ты – добрый… ты поймёшь, ведь я – молчу! Я всегда молчу! Ведь уж если я говорю – значит…

Яковлев *(строго)*. Значит – я с тобой должен серьёзно поговорить! Я и поговорю! *(Быстро идёт в магазин.)*

Полина *(оглядывается вокруг, почти с ужасом, шепчет)*. Ах… ну, хорошо… ну – всё равно…

Клавдия *(вбегает со двора, встревожена)*. Поля, милая! Мой-то накрыл было меня с Ивановым, – слушай-ка, сходи к Дуне – пусть она скажет, что я с ней говорила через забор, – сбегай, милая… Что ты какая? Дурно, что ли, – что ты?..

Полина *(как в бреду)*. Клава, ну – скажи правду: ведь меня можно пожалеть, выслушать? Ведь я всё молчу, я уже третий год молчу, вся живу, спрятавшись в сердце своём, – вся в своём сердце…

Клавдия *(беспокойно)*. Поля, что ты говоришь? Нездоровится тебе?

Полина *(тихо, горячо)*. Подожди, – ну, хорошо: если даже

я грешница, если я тяжело согрешила…

Клавдия. Э, что вспомнила…

Полина. Нет, подожди! За грех мой – меня напугали, меня мучили, – господи, как мучили… А в чём я грешна? Разве несчастие – грех? Ведь я же не собака, ведь меня нельзя звать, как собаку, – свистнул кто-то, и я должна бежать к нему, если он свистнул мне, – ведь я же человек, я…

Клавдия *(оглядываясь)*. Ах, да послала бы ты к чёрту своего кривого! Что мне делать? Сейчас придёт мой, – Полинька, сбегай к Дуне-то! Скорей…

Полина. Зачем?

Клавдия. Ах, боже мой, ты ничего не можешь понять…

Полина. Не могу.

Ефимов *(идёт из магазина, тягуче говорит)*. А вы, сударыня, опять начали беседы ваши сквозь забор?

Клавдия. А тебе опять мерещится?

Ефимов. Ты с кем говорила?

Полина *(прибирая на столе, машинально говорит)*. С Дуней говорила она…

Ефимов *(смотрит на неё)*. Я спрошу Дуню!

Клавдия. Спроси.

(Полина вдруг тихонько засмеялась.)

Ефимов. Это над чем же вы?

Полина *(почти со слезами, тоскливо)*. Над собой, право – над собой.

Ефимов. Что же такое смешное в себе нашли вы? Не ви-

жу я ничего весёлого!

Клавдия. При тебе и с горя засмеёшься.

Бобова *(зовёт из кухни)*. Поля, Клава…

(Обе ушли. Глинкин сносит с верха зеркало, в позолоченной старой раме, ставит на пол у лестницы.)

Ефимов *(рассматривая себя, вздыхает)*. Дрянь зеркало.

Глинкин *(поправляя галстук)*. Для местного населения вполне годится.

Ефимов. Дрянь. Человеку надо видеть себя в сиянии всех качеств, а тут – пятно.

Глинкин. Ты и есть пятно. Клякса на странице истории культуры.

Ефимов *(отходя)*. Любишь ты критические слова. А по-моему, критик – просто человек дурного характера.

Глинкин *(идёт в магазин)*. Много ты понимаешь.

Ефимов. А кто же повесит зеркало? *(Ворчит.)* История… На кой чёрт она мне, история! Дурак…

(Ефимов, нахмурясь грозно, смотрит вслед ему, потом берёт со стола ножницы и наносит ими колющие удары в воздух. В двери магазина стоит Лузгин, чисто и скромно одетый человек лет за сорок, в котелке, сдвинутом на затылок, с портфелем подмышкой. Стоит, склонив голову на плечо, и смотрит на Ефимова с улыбкой. У него лицо и взгляд человека ненормального.)

Ефимов *(нанося удары, бормочет)*. А – вот… и вот!.. И напишут в газетах, а ты не прочитаешь…

Лузгин *(шагнув в комнату)*. Гимнастика? *(Делает правой рукой, с котелком в ней, нелепейшее движение.)* Здравствуйте! Часовых дел мастер?

Ефимов *(сердито)*. Нет ещё.

Лузгин. Я хотел бы часы починить.

Ефимов. Чините.

Лузгин. То есть отдать их починить.

Ефимов. Отдайте.

Лузгин. А – кому?

Ефимов. Хоть трубочисту, мне всё равно… *(Лузгин идёт к нему, тихонько посмеиваясь и немного подпрыгивая. Он так забавен, что Ефимов, сначала отступавший от него, остановился, ухмыляясь. Лузгин смеётся громче, бросает портфель на стол. Ефимов тоже начинает смеяться.)*

Ефимов *(сквозь смех.)* Да вы – кто такой?

Лузгин *(так же, взвизгивая)*. Человек… Смешно?

(Оба хохочут.)

Ефимов. Ой, чёрт… Чем… чем… вы занимаетесь?

(Наташа на лестнице.)

Лузгин. Ищу наследников к выморочному имуществу…

Ефимов *(серьёзнее)*. Чье имущество?

Лузгин *(подмигивая)*. Нельзя сказать. Я скажу, а вы – вот вы – и закричите: я – наследник! И толкнёте меня на ложный путь…

(Наташа сходит с лестницы, вопросительно осматривает Лузгина, он почтительно и низко кланяется ей.)

Ефимов *(улыбаясь)*. Желает часы починить: где отец?

Наташа. Не знаю. *(Лузгину.)* О каком это наследстве говорите вы?

Лузгин *(ласково)*. Интересно? Бо-ольшое наследство! Владелец – помер, а наследники – неизвестны! Второй год ищу.

Наташа. И что же? Они здесь, в нашем городе?

Лузгин. Как будто… как если бы…

Наташа. Вдруг это – я, а?

Лузгин *(кланяясь)*. Был бы рад… был бы очень рад!..

Наташа. Так что же? Сделайте меня наследницей, а? Вы садитесь… Сделайте – ведь вам всё равно, да?

Лузгин. Решительно всё равно! *(Садится, посмеиваясь.)*

Ефимов *(смеясь)*. Чёрт знает, что! Чудак вы…

(Клавдия входит из кухни, торопливо накрывает стол, посматривая на Лузгина. Яковлев – тоже из кухни.)

Ефимов. Что ж вы уходите, не запирая магазин?

Яковлев. А какой дурак зайдёт в него?

Лузгин *(вставая)*. Вот я зашёл.

Яковлев *(смущён)*. Извините… Живём в таком глухом углу. Вы?..

Лузгин. Я бы часы починить хотел…

Яковлев. Можно. Пожалуйте в магазин.

Наташа. А потом – расскажите мне о наследстве – хорошо? Большое наследство, да?

Лузгин. Невыносимо большое! *(Идёт за Яковлевым,*

вглядываясь, подмигивая Наташе. Она, Ефимов и Клавдия смотрят вслед ему.)

Клавдия. Что это такое? Какое наследство?

Наташа. Странно… Зови крёстного обедать.

Ефимов *(озабоченно)*. Наследники могут быть… если действительно существует имущество…

Клавдия *(взбегая, по лестнице)*. Неприятный какой…

(Полина из кухни, затем с верха спускается Кемской, за ним Клавдия и Глинкин.)

Наташа. Чувствую, что наследница – это я. Можете поздравлять…

Ефимов. Гм… Ведь и я… человек… *(Вспомнил Лузгина, смеётся.)*

Лузгин *(выбегает из магазина, схватив Ефимова под руку, тащит его к авансцене)*. А не заходил к вам такой… похожий на меня? Нет?

Ефимов *(усмехаясь)*. Нет.

Лузгин. Нет?

Занавес

Сцена вторая

Вечер. В комнате скучно прибрано: она приняла нежилой, неуютный вид. Из открытой двери магазина слышно торопливое разнозвучное тиканье часов. Шум, – запирают дверь с улицы. Выходят из магазина – Стогов, с папиросой в зубах, Яковлев, в руке ключи, – взволнован, суетлив, оглядывается, говорит негромко.

Яковлев. Никого. Никого нет. Жена с племянницей в церковь пошли, дочь с крёстным – гулять. *(Стогов бесшумно ходит, молчит. Яковлев – вопросительно, тревожно.)* Так – как же, а?

Стогов *(небрежно)*. Решайте.

Яковлев. Опасное дело…

Стогов *(так же)*. Опасное.

Яковлев. А работа – отличная!

Стогов. Отличная работа.

Яковлев. Дайте ещё раз взгляну.

(Стогов, не останавливаясь, бросил на стол золотую монету.)

Яковлев *(разглядывает монету в лупу, руки трясутся)*. Вот оно – жёлтенькое… Имя ему – зо-ло-то. Три удара – слово. Добро и зло в нём… и счастье… а? Всё зависит от того, как взять. Ведь если подумать…

Стогов. Жизнь – коротка, думать не стоит.

Яковлев *(мечтает)*. Кума моего, Кемского, я бы – в шею… Зятя наречённого, навязанного им, – в шею…

Стогов *(усмехаясь)*. Дочь обеспечите.

Яковлев. С деньгами много добра можно сделать.

Стогов. Граммофон купить можно. Автомобиль… *(Позёвывает.)*

Яковлев. Я бы дрозда певчего купил, тут один парикмахер дрозда продаёт. *(Вздохнул.)* Замечательный дрозд – два года любуюсь им. Сказочная птица! *(Положил монету на стол.)* Да… но людей обманывать – грех.

Стогов *(равнодушно)*. Дело – ваше. Я предложил, а уговаривать не стану.

Яковлев. Грех…

Стогов. Все люди грешат, только вы хотите быть праведником. Скучно будет вам, одиноко будет.

Яковлев *(снова взял монету, взвешивает её на ладони. Пристально смотрит на Стогова)*. Н-да… Шутите вы… Непонятно вы шутите. И как это вы сразу начали говорить со мной о таком деле?

Стогов *(остановился, спокойно)*. Да ведь когда-нибудь, с кем-нибудь надо же было мне начать этот разговор. Вот, я вижу – человек вы бедный, живётся вам трудно, – ну, и начал…

Яковлев. И – не боитесь?

Стогов. Чего же?

Яковлев *(тихо)*. А вдруг я полиции объявлю?

Стогов. Вы? Зачем же?

Яковлев. Фабрикантов этого товара здесь давно ищут.

Стогов. Да? *(Подошёл вплоть к Яковлеву.)* Что же вы скажете полиции? Свидетелей беседе нашей – нет. А золото, может быть, настоящее.

Яковлев *(подскочив на стуле)*. То есть… как? Как же это – настоящее? Позвольте – зачем же тогда?.. Удивляюсь я…

Стогов. Удивляться – занятие пустое…

Яковлев. Но если монета настоящая, тогда, значит…

Стогов. Что же тогда?

Яковлев *(сел)*. Вы – вроде дьявола!

Стогов *(вздохнув, усмехаясь)*. Э, нет, куда мне.

Яковлев. А… а вы – не агент полиции?

Стогов *(отходя от него)*. С вами говорить бесполезно. *(Идёт к двери в кухню.)*

Яковлев *(тревожно)*. Подождите, постойте… О, господи!.. Послушайте, – ведь мне хочется правду знать! Как же дело делать, не зная правды? Правда – нужна?

(Стогов смотрит на него вопросительно, молчит.)

Яковлев *(жалобно)*. И… и потом: ведь если б господь не допускал греха, так люди не грешили бы? Не грешили бы, а?

Стогов *(грубовато)*. Этого я не знаю. А знаю вот что: вы Кирова помните?

Яковлев *(испуган)*. Я? Позвольте! Какого? Кто это?

Стогов. Лицо известное. Музей в Нижнем Новгороде обворовал, старинные монеты – помните? Он у Бобовой на квартире жил, – забыли? А Бобова краденое принимает, это вы должны знать, вы же сами подделываете для неё старинные вещи.

Яковлев *(растерялся, испуган, усмехается, потирает руки)*. О-о… да, вот как? Значит, вы действительно?.. Ага! Зачем же эта игра со мной? Вы бы прямо сказали… если Киров – приятель вам? Приятель. Или вы?.. Вы агент? Зачем игра эта?

Стогов *(закуривая новую папиросу)*. Надо испытать человека… Дело серьёзное.

Яковлев. Ну, что ж? Значит я – в руках у вас?

Стогов. И любопытно видеть, как человек, прижатый в угол, извивается, изгибается…

Яковлев. Я согрешил один раз…

Стогов. Мне всё равно – один или одиннадцать. *(Он сел к столу и, незаметно для себя, засунул локтем, монету под кружок из клеёнки, на котором стоит лампа.)*

Яковлев. Я на грех шёл для других, для дочери… На худое ради хорошего… Господь тоже добр… Он меня не накажет.

Стогов. За что же наказывать вас, если вы грешите ради других?

Яковлев. Шутите вы!

Стогов. Нет. Я шутить не умею. *(Идёт к двери в кухню.)*

Яковлев *(за ним)*. Позвольте… как же мы решили? Кто же вы будете? Ведь нельзя же так… поговорили – а конца нет…

(Ушли. С лестницы идёт Глинкин, – в руках бумаги. Подошёл к столу, бросил бумаги, вынул папиросу. Бормочет: «Хамство… Хамы». Не глядя, ищет на столе спичек, нащупал монету, взял её, делает такой жест, как бы вставил монокль в глаз, развалился на стуле, вытянув ноги, осматривает монету. «Странно… Гм… Очень странно…» Прячет монету в карман. Снова вынул, улыбаясь разглядывает. «Замечательно». Из двери в кухню – Лузгин и Ефимов. Глинкин, как бы поправляя папиросу, торопливо сунул монету в рот.)

Лузгин *(как бы поддразнивая)*. А дети-то, дети – тоже Ефимовы будут, – Ефимовы…

Ефимов *(решительно)*. Детей – не надо!

Лузгин. У-у-у – не надо?

Ефимов. Если все мои предки ничем в жизни не отличились, не могли себя поставить заметно и меня сделали, так сказать, невидимым, то я, человек рассуждающий, протестую против своей пустой природы и, не желая распространять её далее, обязан не родить детей.

Глинкин. Вы точно прошение читаете!

Лузгин. Так – так – так… Не родить?

Глинкин. Да, незначительные люди – лишние.

Ефимов. И вообще человек – вещь ненужная!

Лузгин *(серьёзно)*. А кому же наследство? А? Наследство-то кому?

Ефимов *(озабоченно смотрит на него)*. Не верится в наследство. Что же – наследники – находятся?

Лузгин. Ищу. День и ночь всё ищу, всё думаю.

Глинкин. Не забудьте, что мои предки были англичане, Гленквэн. Возможно, что один из них переселился н Америку и там…

Ефимов *(искоса взглянул на Глинкина)*. Врёте вы! Англичане – французы – не верю…

Глинкин. Не смеете не верить! *(Лузгину.)* Наследство – в деньгах или в земле?

Лузгин. В земле, в земле! И – в деньгах, да, да! И в деньгах. Шш! Молчок! Наследство – вот! *(Смеётся, сделав руками широкий круг.)*

Ефимов. Неубедительно.

Глинкин. Сыграем в преферанс?

Ефимов. Четвёртого нет.

Глинкин. С болваном.

Ефимов. Кемской прогонит.

Глинкин. В кухне.

Ефимов. Это можно.

(Пока они говорят, Лузгин, осматривая комнату, увидал в зеркале своё отражение. Это испугало его, он отскочил, прижав портфель свой ко груди. Но, всмотревшись в отражение, тихонько засмеялся, погрозил ему пальцем.)

Глинкин *(Лузгину)*. В преферанс – хотите?

Лузгин. Я? Хочу.

Глинкин. Только четвёртого нет.

Лузгин *(показывая в зеркало)*. А – вот! Вот он!

Глинкин. Ну, это неостроумно.

Лузгин *(Глинкину)*. Вы – честный?

Глинкин *(гордо)*. Что за вопрос!

Лузгин *(тише)*. Тут не был эдакий… похожий на меня, а?

Глинкин. Не видал. Да разве есть такой?

Лузгин *(подмигивая)*. Есть – один…

Глинкин *(усмехаясь)*. Трудно быть похожим на вас!

Лузгин. Очень! Очень трудно! Но он – умеет! Он – может!

Ефимов. Кто?

Лузгин. Есть такой.

Ефимов *(серьёзно смотрит в зеркало, потом на Лузгина)*. Продолжая разговор, скажу: каждая икринка хочет быть рыбой…

Лузгин *(внимательно)*. Икринка – рыбой? Верно!

Ефимов. И даже не просто рыбой, а – щукой.

Лузгин *(восторженно)*. Верно! От этого и всё такое… *(Разбалтывает руками воздух.)*

Глинкин *(пренебрежительно)*. Это – чепуха, и всем известно.

Лузгин *(толкнув его локтем)*. Чепуха? А зачем необыкновенный галстучек носите? А? Галстучек-то – зачем?

(Отошёл к окну. Дуня и Клавдия вбегают. Клавдия, увидав мужа, сделала гримасу, шепчет на ухо подруге. Ефимов, надув щёки, смотрит на жену. Лузгин, оглядываясь, идёт в кухню. Глинкин – за ним, но остановился.)

Дуня. Здравствуйте, господа! Вп'очем, я всех видела, кроме искателя наследников. Нашли?

(Лузгин тихонько смеётся.)

Ефимов *(жене)*. Весело было в церкви?

Глинкин. Сколько тысяч метров показывали?

Клавдия. Ну да, была в кинематографе! Ну, что ещё скажешь?

Ефимов. Ты ко всенощной пошла…

Дуня. А я её утащила с собой…

(Лузгин озабоченно разглядывает всех, считает на пальцах.)

Глинкин. Ну, идёмте играть! Дуняша – в преферанс хотите?

Дуня. Очень. Мне в картах – везёт.

(Все идут в кухню. Клавдия, взяв с буфета самовар, – за ними. Из кухни идёт Полина.)

Клавдия. Откуда? Всенощная давно кончилась.

Полина. Гуляла.

Клавдия. Ты? Это новость!

Полина. Муж дома?

Клавдия. Во флигеле у постояльца.

(Ушла. Полина, медленно перейдя комнату, остановилась

у окна около буфета. Её не видно с лестницы. Клавдия вошла, вынимает из буфета чайную посуду.)

Полина. Ты сердита?

Клавдия. Муж… Уксус проклятый. Ох, как вы все надоели мне! Ходят, как ограбленные… На тебя тошно смотреть.

Полина. Мне, Клава, плохо, тяжело мне, грустно…

Клавдия. Всем не весело, а – веселятся!

Полина. Ты думаешь, не улыбнулась бы я? Если б было чему!

Клавдия. Кому, а – не чему.

Полина. Ах, как улыбнулась бы! Всей душой… Господи!

Клавдия *(передразнивает)*. Господи! Ну, и улыбнись какому-нибудь весёлому мужчине.

Полина. Кроме этого – ничего нет для нас?

Клавдия. Кроме – чего? Конечно – нет ничего, кроме мужчины.

Полина. В прятки играть, дрожать от страха?

Клавдия *(гневно)*. И – подрожи! В прятки! Скажите, какая праведная! У меня, матушка, муж двуглазый, да – играю, а тебе – с кривым…

(Наташа и Кемской идут по лестнице, они не видят Полину за буфетом.)

Кемской. Чай – скоро?

Клавдия. Сейчас будет.

Кемской. Почему не в саду?

Клавдия. Можно и в саду. *(Ушла в кухню. Оттуда воз-*

гласы: «Черви», «Пики», «Две черви», «Трефы».)

Кемской *(морщится)*. Трактир. Не хватает только балалайки и канарейки. Это ужасно. Вообще – ужасно! Мачеха твоя – ни ума, ни души – ничего! Раньше таких женщин не было. Например – твоя мать, – о!.. Ты очень похожа на неё.

Наташа. Да, маркиз, вы говорили мне это пятьсот шестнадцать раз – и я знаю, что моя мать была женщиной, очень похожей на меня. О других её достоинствах вы, маркиз, ничего не говорите…

Кемской. Она была тоже остроумна.

Наташа. Понимаю: ещё раз похожа на меня. А вот зачем вы хотите выдать меня замуж за Глинкина – не понимаю!

Кемской *(недовольно)*. Я же объяснил: будешь дворянкой.

Наташа. Это очень украсит меня? Я всё ещё не нахожу вкуса в дворянстве. Это – всё?

Кемской. Ну, знаешь… надо выходить замуж!.. *(Раздражается.)* Здесь пахнет этим… швейными машинами, постояльцами, глупостью…

Наташа. Шш… Не буяньте. Идите в сад, кормить комаров. Идите, я вам плед принесу. *(Бежит наверх. Кемской идёт в кухню. Полина, стоя у окна, ощипывает с цветка увядшие листья. Наташа сбегает с лестницы, неся плед. Заметила Полину, обняла.)*

Наташа. Ты меня любишь?

Полина *(прижимаясь к ней)*. Да. Очень.

Наташа. Почему?

Полина. Об этом не спрашивают.

Наташа. Я обо всём спрашиваю. Ты меня любишь потому, что здесь больше некого любить, – пока. И за то, что ты любишь меня пока, до завтра, мне хочется обидеть тебя.

Полина *(гладит её голову)*. Что с тобой?

Наташа. Ты… плохо действуешь на меня! Ты заставляешь думать о тебе, а я и о себе думать не умею. Тебе никто не нравится, это потому, что ты сама себе не нравишься. Эх ты… *(Отошла, остановилась.)* Впрочем, я себе тоже не нравлюсь. Я сегодня печальна, как гитара… мне плакать хочется. Не всегда весело жить шутя, – вот до чего меня довели, до каких мыслей. Веселюсь, веселюсь, а может быть, я, как все, тоже невесёлая? А?

Полина. Трудно ты говоришь, – не понимаю…

Наташа *(другим тоном)*. Тебе нравится этот… Стогов?

Полина *(резко)*. Нет.

(Клавдия входит, взяла посуду, ушла, сердито взглянув на Полину.)

Наташа *(удивилась, подозрительно)*. Что это, как ты?..

Полина *(тише)*. Нет.

Наташа *(пытливо заглядывая в лицо её)*. Меня он интригует. Он похож на американского актера… в нём есть что-то, эдакое! *(Щёлкает пальцами.)* Я хочу пофлиртовать с ним. *(Обняла Полину.)* Так – не нравится?

Полина *(тревожно)*. Нет, Ната, – право, нет! И не надо

флиртовать, не надо, чтоб он тебе нравился!

Наташа. Почему?

Полина *(горячее)*. Не надо – поверь!

Наташа. Почему так загадочно? Поля, у меня два глаза. *(Показывает пальцами.)* Два! И оба видят, что этот не милостивый государь – твой старый знакомый. Так, да?

Полина *(испугалась)*. Нет! Ты ошибаешься. Нет!

Наташа. А ты – врёшь! *(Тихо, пытливо.)* Это – он? Да? Тот, твой первый?

Полина *(отступая от неё)*. Не надо спрашивать – не теперь…

(Лузгин вошёл из кухни, беззвучно смеётся, разглядывая золотую монету.)

Наташа. Почему не теперь?

Полина. Шш…

Наташа *(заметив Лузгина)*. Отнеси плед крёстному – он в саду. *(Лузгину.)* Вы что же, прячетесь от меня, а? Заинтриговали каким-то наследством и – прячетесь…

Лузгин *(играя монетой перед её глазами, посмеивается, затем лицо его странно изменяется, он отступает и поёт визгливо из «Демона»)*. «И будешь ты царицей мир-ра-а…»

Наташа *(смеясь)*. Это – смешно, однако этим не проживёшь! Нет, вы мне скажите: наследница я или нет? *(Ефимов мрачно смотрит на них из двери кухни.)*

Лузгин. Вы – ангел!

Наташа. Двадцати трёх лет. Ну-с?

Лузгин. Вы – замечательная! И похожи…

Наташа. Нет, не похожа. Довольно! Ни на кого не похожа!

Лузгин *(поёт)*. «И будешь ты царицей…»

Ефимов. Позвольте! А где доказательства?

Наташа. Какие?

Ефимов. Может быть, наследник – это я?

Наташа *(взяв Лузгина под руку)*. Идёмте в сад, там вы мне расскажете о наследстве…

(Лузгин идёт, подпрыгивая, обернулся, подмигнул Ефимову, тот смотрит вслед им, стоя неподвижно.)

Глинкин *(входит навстречу Наташе. Неодобрительно осмотрел её. Ефимову)*. Обыграл меня этот клоун! Чёрт знает что… *(Ходит.)*

Ефимов *(присел к столу)*. Н-да. И меня обыграл. Генрику Ибсену при жизни его памятник поставили. А что такое – Ибсен? Написал драму «Нора» и этим всех женщин с ума свёл, от мужей стали бегать.

Глинкин *(остановясь у стола, поднимает лампу, смотрит)*. Вы истории человечества не знаете: жёны всегда от мужей бегали.

Яковлев *(входит, потирая руки, за ним, тенью, Полина)*. Что ж вы чай пить не идёте? Там этот Лузгин с Кемским… смешно слушать… оба сумасшедшие. *(Вынул часы, смотрит. Глинкин и Ефимов уходят, переглядываясь. Яковлев, ухмыляясь, мурлыкая, шарит рукой по столу, ворчит.)*

Соврал. *(Грозит кулаком по направлению к окну.)* Погоди, я тебя…

Полина *(подходит)*. Мне с тобой поговорить надо…

Яковлев *(вздрогнув)*. Что ты за мной ходишь, как собака?

Полина. Мне нужно поговорить.

Яковлев *(снова глядя на часы)*. Три минуты.

Полина *(горько)*. Больше нельзя?

Яковлев *(смотрит на неё, хмурясь)*. Некогда мне. Ухожу. *(Сел. Она стоит.)*

Полина. Ты мне муж.

Яковлев. Ну?

Полина. Ты отвечаешь за меня…

Яковлев *(обеспокоен)*. Что такое? Перед кем?

Полина. Перед богом, перед людьми.

Яковлев *(спокойнее)*. Перед богом – это да… А люди… а – полиция… *(Снова встревожен)*. Ты что сделала? С Бобовой что-нибудь? Я же тебе, дура, говорил: вещей у неё не покупай!

Полина *(вздохнув)*. Ничего не сделала я. Но… человек этот… во флигеле…

Яковлев *(привстал, ударил ладонью по столу)*. Молчать! Ты и подходить к нему не смей, – слышала? Вы обе, ты и Наташка, в два голоса… Это – человек нужный мне. Ты его – не видишь! Нет его для тебя – поняла? Слова сказать с ним не смей! Нет его! *(Встаёт, схватил жену за плечи, трясёт.)* Понимаешь?

Полина *(легко оттолкнув его)*. Слушай, я тебе в ноги поклонюсь – помоги! Я – пряталась, я жила сама себя не видя… как в тюрьме жила в темноте души моей! Я – боюсь. Я – не могу… не могу видеть его!

Яковлев *(изумлён её возбуждением)*. Стой… подожди! Что такое? Ах, чёрт тебя возьми! Влюбилась, проклятая? Сразу, в десять дней?

Полина *(очень сильно)*. Не влюбилась я. Не хочу ничего. Только скажи ему – ушёл бы он. Не мутил бы души моей! Я – убить могу…

Яковлев *(испуган)*. Кого? Меня?

Полина. Себя. Его. Пойми же: он – первое горе моё…

Яковлев. Первое… что? Ага-а? *(Между ним и женой – стол. Яковлев наклонился, упираясь руками в край стола. Руки дрожат, слышно, как звенит стекло абажура.)* Он был… это он – любовник твой? Ах ты… Вот как? Вот почему он… *(Растерялся, не находит, что сказать. Ревность старика борется в нём с жадностью к деньгам. Нашёл.)* Ты – ненавидеть его должна, не-на-ви-деть, поняла? Не прикасайся к нему и – ненавидь! Ведь он тебя обманул, да? Говори!

Полина. Я – ненавижу… но – боюсь…

Яковлев. Стой! Он – кто? Сыщик, да? Вор?

Полина. Я – не знаю. Он был кассиром на вокзале.

Яковлев *(успокаиваясь)*. Значит – вор! Ловили? Судили?

Полина. Я не знаю, не знаю!

Яковлев. Конечно – вор! Да… вот как?

Полина. Ты – один у меня, – помоги!

Яковлев. Он к тебе не пойдёт, коли ты его не поманишь! Ах ты, дьявол тихий… обмануть хочешь меня. Дескать, – я говорила, предупреждала, да? Ну, нет, со мной в эту игру не сыграешь, нет! *(Яростно.)* Ты помнишь – кто ты? Помнишь, откуда я тебя взял? Я тебя со скамьи подсудимых взял, собака!

Полина *(почти с ужасом)*. Что ты? Ты – защитить меня должен! Тебе бог дал меня…

Яковлев. Не тронь бога, свинья! Бог – не дурак, это я дурак – я!

Полина. Что ты делаешь? Я тебе душу хотела открыть, а ты меня в могилу гонишь…

Яковлев. Плюю в душу тебе!

Наташа *(входит)*. Портсигар крёстный не оставил тут? *(Ей не отвечают.)* Сегодня ты, отец, ругаешь её молча? *(Идёт на лестницу. Полина тоже делает шаг в сторону.)*

Яковлев. Стой! Куда?

Полина. Я не могу.

Яковлев. Не криви морду! Смотри, чтобы никто ничего не замечал! *(Не знает, что сказать.)* Близко большой беды ходишь… Поняла? *(Замахнулся на неё.)*

Полина *(отступив)*. Прости тебя бог, а я – не сумею… не смогу!

Яковлев *(шипит, грозя кулаком)*. Молчи!

Наташа *(идёт с лестницы, играя портсигаром)*. Шептать

начали?

Яковлев. Ты иди, иди!

Наташа. «Вздрогнув от ужаса, девушка исчезла, как тень».

Яковлев *(выхватив часы, смотрит на них, говоря угрюмо и зло)*. Ты меня не перехитришь, ты свой грех на меня не сложишь! Сама неси его, сама! У тебя должна быть своя совесть, свой разум…

Полина. Совесть у меня есть. Разума – нет.

Яковлев. Я ещё поговорю с тобой!

Полина *(тихо)*. Не надо.

Яковлев. Я – знаю, что надо и как надо! *(Уходит.)*

Полина *(идёт к окну, слепо, шаркая ногами, качаясь. Подошла – отскочила)*. Ох…

Стогов *(в окне)*. Испугал? *(Влезает в комнату.)*

Полина *(отступая от него)*. Сторговался? Купил меня?

Стогов. Не говоря о том, что муж твой – мерзавец, он ещё и дурак. *(Отдувается, нахмурился.)* Орёт, шипит, а я – под окном. И тут же этот Лузгин кружится, Ефимов послушать хочет. Почему это к вам присосался Лузгин?

Полина *(негромко)*. Ненавижу я тебя, ненавижу!

Стогов. На здоровье. Рад буду, если от этого тебе легче будет. Полина, хочешь, я мужа твоего в тюрьму спрячу?

(Полина молчит, неподвижно глядя на него.)

Стогов *(сел на стул, боком к окну)*. Предупреждаю: если не я, так другой засадит его. Лузгин, например. Он, кажется,

сыщик.

Полина. А ты кто?

(Стогов пожал плечами, закуривает.)

Полина. А ведь ты был хороший человек! Был?

Стогов. Едва ли… Вернее – не был.

Полина. Был! Я – знаю.

Стогов. Тебе, конечно, приятнее думать, что ты любила хорошего человека.

Полина *(с робкой надеждой)*. В тебе ещё и теперь что-то есть.

Стогов. Ничего нет.

Полина. Зачем ты говоришь так? Зачем?

Стогов. Не затем, чтобы покаяться пред тобою. Это – не нужно, ни тебе, ни мне.

Полина. Что тебе нужно? Что? Зачем ты пришёл?

Стогов. По глупости. Ну, слушай, дело вот в чём: я думал, что ты с Яковлевым живёшь хорошо, дружно. Но вот смотрю я на вас вторую неделю и вижу, что ошибся. Мне тебя жалко.

Полина. Не верю.

Стогов. Это – дело твоё, не верь. Но ты можешь снова попасть в тюрьму. Ты знаешь, что Яковлев с ворами в дружбе, краденое скупает? Он и Бобова.

(Полина села, молчит, опустив голову.)

Стогов. Замуж он тебя взял не потому, что пожалел, а потому, что надеялся встретить в тебе удобного ему человека. Поняла?

Полина. Ты сказал, что у тебя совесть есть. Помнишь? Вот здесь ты сказал это.

Стогов. Ошибся. *(Встал, ходит.)*

Полина. Взгляни на меня…

Стогов *(не глядя)*. Так – как же: хочешь, чтоб я посадил мужа в тюрьму?

Полина *(усмехаясь)*. А я – с тобой, да? Этого не будет!

Стогов. Я и не жду этого.

(Пауза.)

Полина *(следит за ним, спрашивает тихо)*. Не ждёшь? Почему? Что ж тебе нужно?

Стогов *(присев на ступени лестницы)*. Да вот… не хочу, чтоб ты снова в тюрьму попала.

Полина *(тихо)*. Всё это – ложь! Всё, всё – неправда, фальшь. Я спрашиваю: что тебе нужно, что?

Стогов. Тише…

Наташа *(ведёт Кемского, окутанного пледом)*. Вы капризничаете, маркиз.

Кемской. Нет, это невозможно! Всегда кто-то есть! Суются под ноги. Этот Ефимов! Какой-то Лузгин…. полоумный враль. Кто это на лестнице? Вы, квартирант? На лестницах только кошки сидят…

Наташа *(Стогову)*. Не уходите. Я сейчас приду. Мне вас нужно.

Стогов. Слушаю.

Полина. Я ничего, никого не боюсь. Мне – всё равно.

(Пауза.) Слышишь?

Стогов. Слышу.

Ефимов *(входит)*. Почему темно?

Стогов. Должно быть, потому, что огня нет.

Ефимов. Зажечь надо!

Полина. Не надо.

Ефимов *(сел у окна, освещён луною)*. Идиот этот, Иванов, ухаживает за Дуней Поповой. В саду сидят. Он ей патоку за шиворот заливает. Говорит: «Трудно быть красивым мужчиной». Каково? Идиот. *(Ему не отвечают.)* А может быть, он за Дуней ухаживает для отвода глаз… чьих-нибудь? А? Полина Петровна – для отвода глаз?

Полина *(тихо)*. Да. Может быть. Наверное.

Ефимов *(вздыхая)*. Глинкин Лузгину золотой проиграл. Откуда у него золотой?

Стогов. Пять рублей?

Ефимов. Пять. А что?

Стогов. Пять рублей – не много…

Ефимов. Положим… А всё-таки – откуда? Лузгин – рад.

Наташа *(сбегая по лестнице)*. Агафья, уйди, ты мне мешаешь!

Ефимов. Что-о такое? Что за грубость?

Наташа. Пожалуйста – уйди. А то я… *(Зажигает лампу.)*

Ефимов. Чёрт знает что… *(Уходит.)*

(Наташа закрывает за ним дверь в кухню, затем окно,

затворила дверь в магазин, оглядывается. Стогов следит за нею с усмешкой, с любопытством. Полина встала, хочет уйти.)

Наташа. Нет, мачеха, останься. Сиди. Сядьте и вы, Ипполит… Как? Не помню.

Стогов *(стоит)*. И не надо помнить.

Наташа. Загадочно сказано. Вы, вообще, загадочный человек, а я этого терпеть не могу. И мне нужно знать – кто вы такой?

Стогов *(усмехаясь)*. Замечательно; кроме меня самого – это все хотят знать. Ну, зачем вам? Вам-то зачем?

Наташа. Нет, бросьте эти штучки! Кто вы? Чем занимаетесь?

Стогов. Представьте, что – сыщик, агент полиции.

Полина. Не верь!

Наташа. Не верю. Вы, сударь, лжёте!

Стогов. Разве?

Наташа. Да. Вы занимаетесь сбытом фальшивых денег. Золотых. Так? И вы хотите погубить… отца и всех нас. Да?

Полина. Неправда. Нет, Наташа, это неправда! Нет же!

Наташа *(резко)*. Это он – из-за тебя, мачеха? Ведь он – тот, твой? Говори!

Полина. Да. Это – он! Но – он не из-за меня, нет! Я – ничего не понимаю… Не хочу ничего слышать, видеть… я уйду…

Наташа *(строго)*. Нельзя. Сиди.

Стогов. Пусть уйдёт, это лучше.

Наташа. Почему?

Стогов. Увидите. Иди, Полина.

(Полина медленно уходит к себе в комнату. Оба молча смотрят вслед ей, потом – друг на друга.)

Наташа. Почему вы её удалили?

Стогов. Достаточно с неё.

Наташа. Чего достаточно?

Стогов *(не ответив, вынул кошелёк из кармана, достал пять золотых монет, положил на стол)*. Вот, смотрите: четыре настоящих, одна фальшивая. Найдите – которая?

Наташа. Не хочу.

Стогов. А вы попробуйте!

Наташа. Все – фальшивые.

Стогов. Совершенно серьёзно говорю – одна!

Наташа *(подозрительно разглядывая его)*. Не понимаю, зачем всё это нужно. Я спросила вас… Вы ещё не ответили. *(Рассматривает монеты, хмурится, взвешивая их на ладони. Её боевое настроение постепенно падает, уступая место волнующему любопытству. Она несколько досадует на себя, чувствуя, что уже потеряла взятый ею тон.)*

Стогов *(потирая лоб)*. Не найдёте. Я сам сразу не могу найти. Это очень искусная работа. Делают здесь в городе или около.

Наташа *(бросила монеты на стол)*. Все фальшивые или все настоящие. Я не знаю.

Стогов. Вот видите. Иногда думаешь, что настоящих – вовсе нет. То есть – фальшивых нет. Но – эта признана фальшивой. Чтоб отличить её, я поставил знак иглой. Вот…

Наташа *(взяв монету)*. Ну, и что же? К чему всё это?

Стогов. Их было две – таких. Одну я потерял. Она оказалась в руках вашего жениха, а он – проиграл её Лузгину. Это Лузгин сказал вам, что я – фальшивомонетчик? Да?

Наташа *(вздохнув)*. У вас – лицо честного человека.

Стогов. Ошибочное впечатление. Ложное.

Наташа. Или вы – хороший актёр.

Стогов. Не торопитесь понимать. Если актёр – то плохой. Я сказал вам правду – я сыщик. Ловлю фальшивомонетчиков на фальшивую монету. Могу, разумеется, сделать много неприятностей и невинному человеку. Если захочу. Могу жадного спровоцировать. Вашего… Яковлева легко погубить, он – жаден и глуп. Вы, конечно, знаете, что не он – отец ваш, а – Кемской? Об этом все говорят. Так?

Наташа *(кивнув головой)*. Но всё-таки, к чему вы говорите это мне?

Стогов. Вы – умная.

Наташа *(смотрит на него с любопытством и страхом, как на воплощённую тень злодея с экрана кинематографа)*. Ну, хорошо, умная… и что же?

Стогов. Вот, попробуйте-ка, помогите мне… Я несколько… запутался. Яковлев – вполне достоин того, что он заслужил. Но – Полина? Да и вы. Будет скандал. Лузгин, ка-

жется, тоже сыщик… если он не сумасшедший. Сыщик или вор. Это всегда близко одно к другому.

Наташа *(тихо)*. Всегда? Нет!..

Стогов. Не торопитесь жалеть.

Наташа. Его поиски наследников…

Стогов. Средство войти в дом, в душу.

Наташа. Вы ошибаетесь, я думаю! Вы не ошибаетесь?

Стогов. Едва ли. Я достаточно ошибался.

Наташа *(возмутилась, стучит кулаком по столу)*. Я не понимаю… Вы… всё это неестественно! Всё, что вы говорите, кажется неправдой…

Стогов. Верный признак, что я говорю правду. *(Указывает на монеты.)* Не нашли фальшивую-то. С людьми – так же: настоящего человека отличить от фальшивых можно, только поставив на него свой знак. Но это – портит его.

Наташа. Вы – о Полине? Что вы хотите делать с нею?

Стогов. Ничего. Хотел, но не хочу. *(Пауза. Подумал.)* Конечно, я не хочу, чтобы она попала в грязную историю с ворами. Тут, видите ли, случилось так… Я людей не люблю, они мне сделали много зла. Встретил я её и… не знаю, так ли это, но вспыхнуло нечто. Может быть, только желание поглумиться, поозорничать. Она – тяжёлый человек. А может быть, совесть. Жалость. Или, как у вас к наследству Лузгина, – любопытство.

Наташа *(волнуясь)*. Всё – не так! Не то говорите вы! Я – не маленькая, я вижу. Вы – вовсе не плохой человек.

Стогов. Повторяю – не торопитесь.

Наташа *(встала)*. Но что же мы будем делать?

Зтогов. Мы? Вы – и я? *(Усмехается.)*

Наташа. Ну да! Что?

Стогов. За себя скажу – не понимаю, что можно сделать для Полины. Спрятать бы её в какое-то спокойное место на время. Но где такое место? Да и – вообще… *(Махнул рукой.)* Вот, я оставлю здесь одну монету. Ваш жених придёт?

Наташа. Да. Должен принести бумаги. А что?

Стогов. Хотите знать, что будет с золотым? Следите за ним. А я – ухожу.

Наташа *(возмущённо)*. Куда? Мы ведь ничего ещё не решили! И зачем вам Глинкин? Не понимаю…

Стогов *(резко)*. Больше я не могу говорить… с вами.

Наташа. Почему?

Стогов *(уходит)*. Не могу… не умею…

Наташа. Боже мой… Зачем всё это? Я думала – вы из тех, которые тайно учат… чему-нибудь… что-то знают настоящее…

Стогов. Нет, я не из тех. Я – ничего не знаю. И ненавижу тех, которые всё знают, всё осудили. *(Ушёл.)*

Наташа. Какая же это жизнь? Какая жизнь?

Занавес

Сцена третья

Через час. Из угла, из своей комнаты, вышла Полина, погасила на столе огонь лампы, комната освещается луною через окно, верхняя часть лестницы – светом из открытой двери Наташиной комнаты. Полина подошла к двери магазина, отступила.

Полина. Кто это? Клавдия – ты?

Наташа *(выходит, кутаясь шалью)*. Это – я.

Полина. Что ты – в темноте?

Наташа. Сижу, смотрю на улицу, там светло, луна. *(Положила руки на плечи мачехи, шаль упала на пол.)* Слушай, этот… Стогов – кто он всё-таки?

Полина *(вздохнув)*. Был хороший человек, а теперь – негодяй…

Наташа. Негодяй?

Полина. Сама видишь. Я – не виню его, все – так!

Наташа. Негодяй, потому что разлюбил тебя?

Полина *(не сразу)*. Почему ты говоришь – разлюбил? Ведь вот он нашёл меня, явился…

(Молча смотрят друг на друга. Полина снимает со своих плеч руки Наташи – кажется, что она хочет обнять себя её руками, но затем отталкивает их. Идут рядом к окну, не глядя друг на друга.)

Наташа. Завтра – воскресенье…

Полина. Да. А – что?

Наташа. Так. Дни бегут, точно испуганные собаки.

(Стоят у окна.)

Клавдия *(осторожно выглянула из двери своей комнаты. Подмышкой – узел, в руке – чемодан. Скрылась. Затем выходит без вещей)*. Чем любуетесь?

Наташа. Луной.

Клавдия. А я иду к Дуне, ночевать. Она – одна. Тётка её уехала дачу продавать. *(Молчание.)* Муженьком моим не пахнет? Не видали его?

Наташа. Нет.

Клавдия. Значит – в трактире. Ну, прощайте! Иду. *(Ушла в свою комнату.)*

Полина. Я тоже уйду, Наташа. Я – спать.

Наташа. Усни. *(Нахмурясь, смотрит вслед ей. Идёт к двери магазина, подняла с пола шаль, набросила её на себя, скрылась в магазине.)*

Дуня *(из двери кухни, осторожно стучит в дверь Клавдии, та – на пороге, шепчутся)*. Ты мне вещи в окно подай, а я их – через забор.

Клавдия. Он – ждёт?

Дуня. Ну да! Скорее. *(Взяла из рук Клавдии узел, ушла. Наташа выглядывает из магазина.)*

Кемской *(спускается с лестницы, в халате, на голове – шёлковая чёрная шапочка)*. Наташа! Глинкин! Кто-нибудь

есть тут? Никого, когда нужно. Темнота. Экономия. Всегда были люди, но никогда они не были так отвратительны. *(Кричит в окно.)* Наташа! *(Идёт в кухню.)*

Бобова *(нарядно одетая, из кухни)*. Не спишь – ходишь? Эх, старость!

Кемской. Никого нет…

Бобова. Ночь всех в сад выманила. Идём, провожу. У меня, батюшка, дельце к тебе. Блудливые языки говорят про меня…

(Ушли. Клавдия вышла из своей двери с вещами, но тотчас бросилась назад. Ефимов и Глинкин с портфелем, выпивший. Ефимов тоже нетрезв.)

Глинкин. Не заметил нас, старый чёрт. Вот – жизнь! За двадцать пять рублей работаю до поздней ночи, а?

Ефимов *(мрачно)*. Все живём плохо. У меня, брат, тоже… кошки в душе. Да. Правильно говорят: любовь – мученье…

Глинкин. Это – когда глупо говорят. Любовь – дело государственное. *(Сел к столу. Поднимает кружок под лампой, быстро опустил. Улыбается. Вынул из кармана стекло, вставил в глаз.)* Удивительно.

Ефимов. Ничего удивительного нет. Ерунда всё. И – не всякий понимает, что ему надо. Людям надо приказывать: вот чего желайте, а иного – не сметь! Если б я был… *(Смотрит на стенные часы.)* Где этот чёрт – Лузгин? Хотел придти… *(Свистит.)*

Глинкин *(блаженно улыбаясь, напевает)*. «Наша жизнь – полна чудес…»

Ефимов. Теперь моноклей не носят.

Глинкин. Что-с?

Ефимов. Не носят моноклей теперь.

Глинкин. Предоставь мне знать эти вещи, а?

Ефимов. Не носят. И это – не монокль, а стекло от дамских часов, я вижу. Дёшево форсишь.

Глинкин. Ты глуп!

Ефимов *(встал)*. Не очень. Нет, я не очень глуп. *(Идёт к себе.)* Клавдия!

Глинкин *(взял со стола монету. Поцеловал)*. Милая…

Наташа *(подошла к нему сзади)*. Положи на место.

Глинкин *(испугался, вскочил, выхватил стекло из глаза. Смеясь, обнял Наташу за талию)*. Наталия – и так далее. Это – ты делаешь, да? Это – очень мило. Дай щёчку…

Наташа *(оттолкнув его)*. Положи монету на место.

Глинкин. Но – почему? *(Сердится.)* Ты всё – капризничаешь, душа моя! Это может надоесть мне.

Наташа. Пошёл прочь!

Глинкин. Позволь – что такое?

Наташа. Пошёл прочь, идиот!

Глинкин *(оробел)*. Но – что ж тут такого? Ты положила – я взял. В чём же дело? Наконец, я не могу допустить, чтобы ты кричала на меня… Моё достоинство… Я скажу Кемскому, что ты невозможна…

Наташа *(отходя от него)*. Ничтожество ты…

Глинкин *(идя за нею)*. Ты забываешь, что я – дворянин, и в наше время, когда мы единственно…

Наташа. Уйди! Я тебя ударю… *(Бежит вверх по лестнице.)*

Глинкин *(растерянно)*. Послушай… Что ж это? Чего ты хочешь?

(Кемской и Бобова идут.)

Кемской *(брезгливо отмахиваясь)*. Ну, довольно, не надо! Я сказал: заплачу тебе. Не надо это – сплетни и всё…

Бобова. Как – не надо? Надо, милый! И заплатить мне по векселю надо, и знать, что в доме делается, надо тебе. Ты – верь мне. От кого, кроме меня, непорочную ласку увидишь ты? Я тебя знаю, я тебя помню, каков ты сокол был. Двадцать-то годков спустя… Помнишь, как ты со мной на пароходе знакомство свёл. Какова была я…

Кемской *(оглядываясь)*. Ф-фу, какая ты!.. Тут люди везде, а ты…

Бобова. Ну, не буду, не буду… Ну, молчу! А ведь сердечко-то твоё, старенькое, последние дни-ночи доживая, оно ведь не умолкнет, оно не онемеет…

Кемской. Нет, это… чёрт знает что! Это же необходимо кончить… необходимо!

Бобова. То-то вот! Необходимое, брат, не обойдёшь, нет! Бога – не обойдёшь, правды – не обойдёшь! Всё, всех людей обойти можно, а правду – обойди-ка? Она – не обходима, да,

да, милый! Обойди её, попробуй, и заплутаешься…

Кемской *(заметив Глинкина, который зажигает лампу)*. Ну что? Что стоишь? Стоит и… слушает!

Глинкин *(вынимая бумаги из портфеля)*. Вот, протоколы допроса и ваше заключение по делу Краевых.

Кемской. Ну, что же? Надо подписать! Перо! *(Садится к столу. Глинкин даёт ему перо. Подписывая бумаги.)* Завтра отнесёшь прокурору. Вероятно, ошибки, ошибки у тебя. Ты, брат, небрежен, да! Найди Наташу…

(Бобова ушла в комнату Ефимовых.)

Глинкин. Она – у себя…

Кемской. Позови.

Глинкин. Я с ней поссорился. Я хочу сказать вам, что она…

Кемской *(с досадой)*. Знаю, знаю! С такими девушками – не ссорятся, если ведут себя умно… Иди… Поссорился… Ты, братец, не глупи…

(Полина в белом платье выходит из своей комнаты, оглядывается.)

Кемской. Это – вы? Куда это вы?

Полина. В гости.

Кемской. Так поздно? Гм… Я нахожу, что ваше… Ваш пример вреден для Наташи. Все эти постояльцы… этот бритый… Бобова говорит, знаете, что он и вы…

Полина. Прощайте.

Яковлев *(в двери кухни)*. Куда?

Полина. К знакомой.

Яковлев *(оглядывая её)*. Какая – знакомая? У тебя нет знакомых.

Полина. Есть. Одна.

Яковлев. Врёшь! И – нарядилась? Ты… *(Схватил её за плечи, она его отталкивает.)*

Кемской *(подошёл)*. Послушай, Яковлев, это – невозможно. Ты сам виноват, ты стар, она – молода. Ты поселил тут… разных… Наташа тоже молода и неопытна…

Яковлев. Позвольте…

Кемской. Нет, подожди, я говорю, я! Я хотел семейно и тихо всё это… Это – мой дом. Я стар, мне нужен покой. Ты должен считаться с этим, а ты… Тут Наташа…

Яковлев. Наташа – кто?

Кемской. То есть – как это – кто?

Яковлев. Она – дочь моя? Моя дочь?

Кемской. И… и что же?

Яковлев. А – вот это самое! Моя?

(Полина стоит у окна, смотрит на них.)

Кемской. Ты, кажется, выпил?

Яковлев. Выпил? Да! Яду выпил!

Кемской. Послушай, что же это? Ты – добрый человек, и я – добрый. И вот, у нас нехорошо.

Яковлев. Что – нехорошо?

Кемской. Ты не можешь прилично устроить семью. И всем с тобой скучно, тяжело…

Яковлев. А если я вас, барин, к чертям пошлю, к самым отдалённым, а?

Кемской *(выпрямился, смотрит грозно, – а беспомощен и жалок)*. Свинья ты, братец…

(Наташа на лестнице, Глинкин – сзади её, ступеней на пять выше, очень растерянный.)

Яковлев *(яростно)*. Свинья, а вам – братец? Как же это, а? Хэ-хэ! Как же-с?

Кемской *(падая на стул)*. Ты… я не знаю что!..

Наташа *(Яковлеву)*. Вы не смеете так грубо говорить с моим отцом…

Яковлев *(отшатнулся)*. Что? С кем?..

Наташа. Вы знаете, что он – мой отец…

Кемской *(вскочил, кричит)*. Наташа – зачем? О, боже мой! Это я должен был сказать – я! Я ждал момента… Это надо было сказать торжественно. Я готовился ко дню твоего рождения. А не в такую минуту, когда скандал, чужие люди кругом… и – вообще. Нужно шампанское! И подарок тебе…

Яковлев *(презрительно)*. Старый дурак.

Наташа. Не смейте, вы!..

Кемской. Ты слышишь, Ната? Вот что ты сделала!

(Яковлев стоит у буфета и смеётся рыдающим звуком. Полина тихо подвигается к нему. Бобова, Ефимов, Клавдия – смотрят из двери. Глинкин у лестницы, взбивает волосы: у него вид человека, готового совершить подвиг.)

Наташа *(гладя голову отца)*. Как это грустно всё, как

нехорошо…

Кемской *(с отчаянием)*. Но ты сама виновата, что нехорошо! Я так обдумал всё… так внушительно… Сказать должен был я! Тогда всё было бы иначе. Был бы праздник.

Наташа. Молчите, отец.

Кемской. Я двадцать лет думал о том, как это будет.

Наташа. Вы слишком долго думали.

Кемской. И вот ты, дочь моя, отняла у меня лучший день жизни! Это – ужасно! Это… совершенно непоправимо…

Наташа. Весь город знает о том, что я – ваша дочь.

Яковлев *(орёт)*. Да! Весь! И я знал! знал! Всегда! Ха-ха-ха!

(Неожиданный крик его испугал всех. Молчание, слышен шёпот.)

Бобова *(шепчет громко)*. О, господи… Жалость какая…

Наташа *(ей)*. Ты – иди вон! И чтобы носа твоего не видела я здесь…

Бобова. За что?

Яковлев. Позвольте! Я здесь – кто?

Наташа. Вон!

Бобова. Ладно. Иду. *(Кемскому.)* О векселе-то не забудьте, барин. А вы, Наталья, – уж не знаю, как вас величать по батюшке… Вы моих уточек ели, да! Это не папаша стрелял, а я покупала, на мои бедные деньги, да-с! Не из лесу утки, а – с базара. *(Идёт в кухню.)* Прощай, Полина Петровна! Сожрут они тебя, как уточек моих сожрали…

Кемской *(держа дочь за руку)*. Какой ужас… Ты не знаешь, как всё это больно мне. Вычеркнут лучший день моей жизни…

Наташа *(поднимая его)*. Идёмте.

Полина *(дотрагиваясь до плеча Яковлева)*. Послушай…

Яковлев *(отскочив от неё)*. Ты! Прочь! Змея! Кто ты мне? Все – прочь! Теперь – я сам…

Полина *(кланяясь)*. Прощайте, добрые, люди… хорошие люди… *(Идёт.)*

Яковлев. Куда?

(Полина остановилась, смотрит на него.)

Яковлев. К любовнику? Уйди… Ползи, змея!

(Полина идёт, остановилась у окна. Все ушли. Глинкин – в комнату Ефимовых. Полина идёт назад, тихо и как-то неумело смеётся.)

Яковлев *(изумлён, отступает за стол)*. Это – что ещё?

Полина *(горестно, с иронией)*. Спаситель мой… Ведь ты – мой спаситель, да?

Яковлев *(смотрит на неё опасливо, бормочет)*. Ну? А – что же?

Полина. Ты спас меня от гибели?

Яковлев. И – спас! Куда бы ты без меня? На улицу? В проститутки?

Полина. Да, конечно! А ты, добрый, пожалел меня, взял к себе, всё забыл, всё простил мне и меня заставил забыть всё, любил меня, нежил…

Яковлев *(не понимает её, готов растрогаться)*. Да, я к тебе – всей душой, а ты…

Полина *(очень спокойно)*. Будь ты проклят, гадина! – вот моё прощальное слово! Будь проклят! *(Идёт.)*

Яковлев *(поражённо смотрит вслед ей, задыхаясь от злобы, от испуга, подошёл к буфету, налил из графина рюмку водки, выпил, налил ещё, тоже выпил. Закрыв глаза, откручивает пуговицу пиджака. Сел. Бормочет)*. Мне никого не надо… Освободил меня господь от вас, дьяволы. *(Морщится. Снимает с глаз слёзы пальцем, рассматривает их, отирает палец о колено.)* Никого у меня нет. И не признаёт меня господь за своего человека… не признаёт! *(Поднёс палец к огню лампы, рассматривает слезу на конце пальца. Вытер слезу о волосы. Встал, подошёл к окну, кричит.)* Палашка! Пелагея! Полина!.. *(Высунулся в окно, опрокинул горшок с цветком, напутствует его.)* К чёрту! Всё – к чёрту! *(Подошёл к шкафу. Пьёт водку. Идёт к себе в угол. Клавдия из своей комнаты, за нею Глинкин. Клавдия взволнована, не находит себе места.)*

Глинкин *(озабоченно)*. Всё-таки я хочу объясниться.

Клавдия *(нетерпеливо)*. Оставь! Наталья – не жена тебе. Заносчива, капризна, театром бредит, а театр из моды вышел. Да и какое приданое даёт за нею Кемской? Дом этот? Дом этот – дешевле гроба…

Глинкин *(раздумчиво)*. Конечно, – Дуня Попова, это – идея.

Клавдия. Дело – а не идея! Дуня – богатая. Глупая. *(Стоит у двери в свою комнату, прислушивается.)* А эти – всё о наследстве болтают, Лузгин – тёмный мужчина, хитрый… *(Ломая руки, смотрит на стенные часы.)*

Глинкин. Я знаю, почему ты хочешь женить меня на Поповой, – за ней ухаживает Иванов, а у тебя с ним роман.

Клавдия *(презрительно)*. Догадался! Роман кружить и с женатым можно. Ещё – интереснее.

Глинкин *(охорашиваясь перед зеркалом)*. Я женюсь, а Иванов рога будет наставлять мне.

Клавдия. Он – тебе, а ты – ему. Не всё равно, кто рога наставит, Иванов или другой…

Глинкин *(вздохнув)*. Всё-таки ты для себя стараешься…

Клавдия *(вынув из кармана деньги, считает)*. Я – не монахиня. Это монахини не для себя живут, да и то… *(Задумалась, закрыла глаза.)* Как замечательно в кинематографе было! До слёз хорошо! Какое он сделал изумительное лицо, узнав, что жена изменяет ему! Какая страшная печаль была в его глазах! И губы – дрожат, дрожат… ах!.. *(Глубоко вздохнула, стоит, заломив руки за шею, мечтательно улыбаясь.)* Великий талант нужен для того, чтоб люди поняли без слов, как ты страдаешь…

Глинкин *(с досадой)*. Это – вздор… Страдать – просто…

Клавдия *(горячо)*. Ну, уж нет! Бездарный артист, как бы ни страдал, а плакать не заставит. Удивительно это – кинематограф! До него – настоящего искусства и не было.

Глинкин. А – романы? Забыла?

Клавдия. Роман – неделю сосёшь, а тут – полтора часа, и – готово, сыта по горло. *(Пауза.)* Где это – женщины наши? Разогнали всех старики…

Глинкин. Женщины должны быть дома, это – домашние животные.

Клавдия *(презрительно)*. Пошутил! Эх ты… *(Подошла к двери, прислушивается.)*

Наташа *(сбегая один марш лестницы)*. Клавдия, принеси льду с погреба, – скорей… *(Исчезает.)*

Клавдия. Что ещё там? *(Уходит в кухню.)*

(Глинкин подошёл к столу, приподнял лампу – смотрит нахмурясь, щупает скатерть рукою. Ефимов, сияющий, полупьяный, ведёт за руку Лузгина, тот, прижимая ко груди толстый портфель, тоже улыбается, подпрыгивает.)

Ефимов *(восторженно)*. Уговорил! Сейчас он объявит наследников… всё скажет!

Лузгин *(возбуждённо)*. Всё, всё скажу!

Глинкин *(скептически)*. По-моему – у вас обоих неладно тут. *(Указывает на свою голову.)*

Ефимов. Это – и у тебя. Этим не хвастаются.

Лузгин. Где она?

Глинкин. Кто?

(Лузгин, подмигнув ему, смеётся.)

Глинкин *(тревожно)*. Наталья, да? Разве – она? Слушайте, вы, чёрт…

Клавдия *(с тарелкой в руках)*. Вы бы не шумели, кажется, Кемской захворал.

Ефимов *(с любопытством)*. Умирает?

Глинкин *(суетится, взволнован)*. Клавдия, зови Наташу, должно быть, это она – наследница!

Ефимов *(потирая руки)*. Н-неизвестно!

(Клавдия заинтригованно смотрит на Лузгина, который, сидя у стола, вынимает из портфеля пачки газетных объявлений, афиши и бормочет что-то.)

Клавдия *(бежит вверх)*. Ой, интересно как!

(Стогов вошёл из кухни, встал у окна за буфетом, нахмурясь наблюдает за Лузгиным.)

Глинкин *(Лузгину)*. Это – зачем вам?

Лузгин. Мне? Мне не нужно.

Глинкин. Это объявления?

Ефимов *(оттолкнув его)*. Не мешай!

(Клавдия сбегает с верха, за нею медленно идёт Наташа. Стогов, выступив из-за буфета, подходит к ней, отводит её к окну.)

Стогов *(озабоченно)*. Будьте осторожны! Он или с ума сошёл, или разыгрывает какую-то скверную комедию.

Наташа *(сухо)*. Сейчас узнаем… *(Идёт к Лузгину.)* Ну, что ж, нашли наследников?

Лузгин *(вскочив)*. Да! Да! Нашёл! *(Судорожно шарит в карманах.)*

Наташа. Кто ж это? Кто они?

Лузгин *(бормочет)*. Вы! Все! Сейчас…

Ефимов. Как же – все?

Лузгин *(нашёл в кармане золотую монету, высоко поднял руку, показывает её всем, кричит)*. Вот – оно! Наследство… Видите? Вот!

Глинкин *(привстав на носки, смотрит на монету, потом на всех, испуган)*. Позвольте… это что же? Это – он выиграл у меня! То есть, это, может быть, другая…

Стогов. Вы её… нашли, да?

Наташа *(отвернулась от Глинкина, Стогову)*. Я не понимаю…

Стогов. Это… странная игра!

Лузгин *(ухмыляясь, смотрит на ладонь свою, бормочет)*. Тут – на всё хватит… на всех! *(Сжал руку в кулак, трясёт им, кричит.)* Сына родного можно… как Авраам Исаака… убить можно… Христа продали на серебро, а это – золото… Зо-ло-то! Вот вам! *(Наташе.)* Тебе – первой! Бери! *(Поёт.)* «И будешь ты царицей мир-ра»…

(Наташа отступает от него.)

Лузгин *(кричит)*. Сына родного – ради тебя…

Стогов *(подошёл к Лузгину)*. Дайте взглянуть…

Лузгин. Нет, не тебе…

Стогов *(легко разжал его кулак, взглянул на монету, – Наташе, усмехаясь)*. Фальшивая. Он хорошо сошёл с ума.

Лузгин *(бьёт его кулаком по плечу)*. Отдай! Я не сошёл с ума…

Стогов *(отдал монету)*. Слушайте, – вам нездоровится?

Лузгин. Ты сам, – вы все сошли с ума!

Стогов. Это – наследство, да? Всё – тут?

Лузгин. Не тебе! Пошёл прочь! Выгнать его!

Яковлев *(полуодетый, растрёпанный, пьян)*. Что же – будет мне покой, а?

Наташа *(Лузгину)*. Послушайте… Вам нужно…

Лузгин. Мне ничего не нужно! Всё – ваше! Где мой сын? Муж твой – где? Где – совесть? *(Хочет броситься на Наташу, Стогов схватил его.)*

Стогов. Пошлите за доктором…

Яковлев *(кричит)*. Вон – все!

Лузгин *(борется со Стоговым, вырвался, бежит, увидал себя в зеркале, остановился, громко шепчет, указывая на своё отражение)*. Вот, вот он… Держите его… ловите… он меня всю жизнь… держите…

Стогов *(снова схватил его, несёт на диван)*. Доктора надо… Дайте полотенцев… Надо связать его…

(Наташа бросилась к буфету, выкидывает полотенца. Клавдия подбирает их, бросает Стогову. Ефимов тихо объясняет происшедшее Яковлеву. Глинкин старается помочь Стогову вязать Лузгина, но тот уже лежит спокойно.)

Яковлев *(подошёл к дивану, бессмысленно смотрит, спрашивает)*. Кто здесь распоряжается? Чёрт распоряжается, а? Чёрт?

Иванов *(вошёл очень возбуждённый, идёт солдатским*

шагом к Яковлеву). Послушайте… я пришёл… должен сказать вам… *(Смотрит в бессмысленное одноглазое лицо, махнул рукой.)*

Яковлев *(смеётся)*. Ещё – погоди! Ещё – кто – кого!

Наташа *(подбежала к Иванову)*. Что случилось?.. Ну, скорей… Полина?

Иванов *(развёл руками)*. Бросилась под товарный поезд.

Наташа. Нет!

Стогов. На… насмерть?

(Клавдия плачет. Глинкин сидит на диване в ногах Лузгина, открыв рот.)

Яковлев *(подходя к Иванову, указывая на Стогова)*. Арестуй его… Я отвечаю!

Наташа. Господи! Что ж это?

(Иванов шёпотом говорит что-то Клавдии. Ефимов, сидя у стола, смотрит на всех непонимающим взглядом. Все молчат несколько секунд. Стогов идёт к двери в кухню.)

Наташа *(схватила его за руку)*. Стойте! Куда – вы?

(Стогов остановился. Лузгин приподнялся, сел. Глинкин отскочил от него.)

Лузгин *(глядя на свои связанные полотенцем руки, потом на всех, спрашивает)*. А того – мерзавца, поймали? Врага моего – поймали? Зачем вы мне связали руки, мне?

Иванов *(Наташе)*. Он сошёл с ума?

(Наташа развязывает руки Лузгина. Стогов – рядом с нею, напряжённо следит за Лузгиным.)

Лузгин *(размахивая руками, посмеиваясь)*. Ага, поняли? Вот… *(Роется в кармане, вынул медную монету, протягивает Наташе.)* Извольте – тут всё!

Глинкин *(Ефимову)*. Кажется – пятачок?

Лузгин. Весь мир – да! Весь мирище, – звёзды, ордена, моря и пароходы, и весь базар! *(Поёт.)* «И будешь ты царицей ми-ра-а»…

(Наташа вопросительно смотрит на Стогова.)

Стогов *(не веря, саркастически)*. Вы, Лузгин, слишком умно сошли с ума, вы плохо притворяетесь…

Лузгин *(смотрит на него очень пристально, несколько секунд молчит. И все ожидающе молчат. Лузгин легонько оттолкнул Стогова)*. Нет, это не ты… не тот! Уйди! *(Снова суёт монету Наташе.)* Что же, бери, ну? Съела сына моего? На… Тут всё! *(Зажав монету в кулак, высоко взмахивает руку.)* Весь мирище – тебе! Я – не Лермонтов, не Демон, не шучу – нет… *(Кричит всё громче.)* Нет! Нет!

Ефимов. А ведь, пожалуй, это я его свёл с ума…

Лузгин *(указывая на зеркало)*. Тут был человек… он давно ходит за мной, он изуродовал всю мою жизнь. *(Повышая голос.)* Сына оторвал от меня… Женщину. Был фальшив, как бес. Притворялся, что знает несокрушимые законы. Он – правду оболгал… Он оболгал всю правду!

Занавес